

ВОСПРИЯТИЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ*

Г.Ю. Золотухин

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье раскрываются некоторые необходимые для исследования синтаксиса понятия когнитивной лингвистики, поднимается вопрос о различном восприятии пропозиций сложноподчиненного предложения в языках разных языковых семей с точки зрения синтаксической структуры, связи синтаксиса с семантикой.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, синтаксис, когнитивная лингвистика.

В наши дни постоянно возрастает интерес к когнитивным исследованиям, поскольку возникает необходимость понять важнейшие проблемы языкового мышления, которые позволят анализировать происходящие в речевой деятельности процессы, в частности речевые стратегии. В ходе этого анализа существенными оказываются особенности различных языков и культур, которые ориентируют исследование и определяют его основы.

При сопоставительном подходе следует сравнивать языки в аспекте их грамматической структуры, которая определяется различными категориями, закрепленными в этих языках. Это сравнение, в свою очередь, позволит уточнить взаимосвязь языка и мышления.

Чем лучше человек владеет словом, тем лучше он осознает окружающую его действительность и происходящие в ней процессы. Еще Л. Ельмслев полагал, что «язык является неотъемлемой частью человеческого разума» [1. С. 264]. Ведущий представитель отечественной школы когнитивной лингвистики Е.С. Кубрякова определяет предмет когнитивной лингвистики как «изучение языковых процессов, языковых единиц и категорий и т.п. в их соотношении с памятью, воображением, восприятием, мышлением» [2. С. 32].

Согласно мнению В.А. Масловой, основной задачей когнитивной лингвистики является «объяснение механизма обработки естественного языка, построение модели его понимания», а предметом ее исследования — «природа и сущность знания и познания, результаты восприятия действительности и познавательной деятельности человека, накопленных в виде осмысленной и приведенной в определенную систему информации» [3. С. 19].

При восприятии любого текста различные его элементы способны как активизировать, так и тормозить понимание, которое регулируется при помощи по-

* Рец.: доц. Ю.Н. Эбзеева (РУДН); доц. Ю.С. Чернякова (МГОСГИ, г. Коломна).

стоянного потока информации, поэтому ментальная репрезентация может быть как локальной, т.е. затрагивать определенные участки текста, так и распределенной по всей его протяженности. Некоторая прецедентная информация способствует лучшему пониманию, наглядности текста. У читателя может возникнуть некоторое чувство отторжения, если ему будет неудобно читать тот или иной текст, поэтому в наше время уделяется внимание подборке шрифта, например, в рекламе. Этот факт свидетельствует о том, что в сознании человека эти элементы ассоциируются с языковой формой.

По этой же причине в художественных произведениях и чаще всего в поэзии такое внимание отводится композиции и структуре текста. Переход от мыслеобраза к слову является одним из главных вопросов психолингвистики.

Одним из наиболее важных понятий в когнитивной лингвистике является понятие познания, которое определяет всю познавательную деятельность человека. Согласно Н.Д. Арутюновой, познание происходит при непосредственном влиянии культуры, созданной человеком на протяжении многих веков. Сознание она подразделяет на три типа: обыденное, художественное и научное. Следует также учитывать тот факт, что часто познание может носить чисто интуитивный характер, благодаря которому возник интуитивизм — течение в философии, которое признает существование интуиции.

Вероятно, в этом направлении проводилось мало исследований.

Российский философ Н.О. Лосский выделил три вида интуиции: чувственную, интеллектуальную и мистическую интуицию.

Второй тип интуитивного познания оказывается важен, например, при изучении иностранного языка. На существование этого вида знания указывал и Н. Хомский. Он утверждал, что «порождающая грамматика пытается точно определить, что говорящий действительно знает, а не то, что он может рассказать о своем знании» [4. С. 12] и, соответственно, «проблема грамматиста состоит в том, чтобы построить описание и, где это возможно, объяснение для огромной массы несомненных данных, относящихся к лингвистической интуиции носителя языка (которым часто является сам исследователь)» [4. С. 22].

Н. Хомский считает, что оно недоступно непосредственно носителю, носитель активирует его при помощи контекста, и приводит пример двусмысленной фразы «flying planes can be dangerous» (англ. «летающие самолеты могут быть опасными» или «вождение самолетов может быть опасным») [4. С. 23]. Данный пример характеризует интуитивное восприятие структуры предложения носителями языка.

Среди основных разработок когнитивной лингвистики стоит упомянуть когнитивную грамматику, которая устанавливает связь синтаксиса с когнитивными процессами. Р. Лангакер отмечает, что любые грамматические показатели изменяют семантическое целое фразы, и по сути грамматика настолько связана с семантикой, что все грамматические категории так или иначе могут быть выражены лексически, что еще раз доказывает, что в языке все взаимосвязано и подчиняется его законам.

Упоминания о связи грамматики с семантикой можно найти, например, в работах А. Вежбицкой: «Грамматика на самом деле составляет концентрированную семантику: она воплощает систему значений, рассматриваемых в данном конкретном языке как особенно важные, действительно необходимые при интерпретации и концептуализации действительности и человеческой жизни в этой действительности» [5. С. 44].

Поэтому пропозиции сложноподчиненного предложения должны семантически сочетаться между собой.

Как составная часть грамматики синтаксис зависит и от многих факторов устной речи, которые в письменной речи передать сложно. Временная последовательность и необратимость устной речи видоизменяет предложение, подстраивая его под конкретную ситуацию, иногда для удобства опуская те или иные его элементы. Часто при чтении адресату приходится как бы мысленно восстанавливать ситуацию устной речи для того, чтобы правильно понять предложение или весь текст. Например, синтаксис устной речи во французском языке богат проявлениями эмотивности, неполными предложениями и логическими выделениями. В.Г. Гак отмечает, что предложение с одним и тем же семантическим наполнением в устной речи может быть представлено как минимум в 7 вариантах [6].

Сложные предложения являются многофокусными единицами речи. Они разбиты на синтагмы, показателями которых в устной речи обычно являются интонация каждой из них и паузы между синтагмами. Интонация сложного предложения зависит от входящих в его состав пропозиций, в которых она строится согласно правилам построения интонации в простых предложениях. На длину пауз может влиять множество субъективных факторов — например, намерение говорящего подчеркнуть и усилить смысл сообщения. Интонация для сложного предложения является важным фактором и обладает в данном случае смысло-различительной функцией, поскольку зачастую смысл предложения зависит исключительно от интонации. Например, одно и то же предложение «Je sais comment il travaille» в зависимости от способа его произнесения может означать либо «Я знаю, что он много работает», либо «Я знаю, что он работает очень плохо», либо просто констатацию факта.

Очевидно, что в письменной речи приходится прибегать к передаче эмоций с помощью восклицательного знака и других известных способов. Поэтому, например, А.А. Кибрик придерживается мнения представителей американской школы лингвистики, и в своей работе «Есть ли предложение в устной речи?» (2008) он утверждает, что за базовые единицы разговора лучше принимать интонационные фазы [7]. С помощью сложного предложения адресант обычно стремится передать сложный процесс, в котором некоторые моменты могут быть уже ясны адресату, поэтому иногда как в устной, так и в письменной речи предложение может быть незавершенным, возникает явление эллипсиса.

Большое внимание при изучении языка уделяется связи семантики с мировидением. Именно поэтому одним из базовых понятий когнитивной лингвистики является концепт. Известны различные определения этого термина. Так, С.А. Аскольдов-Алексеев сопоставил понятия концепта и слова и пришел к выводу, что

«концепт есть мысленное образование, которое знаменует нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [8. С. 4].

Н.Д. Арутюнова и ее последователи (А.Д. Шмелёв, Н.Ф. Алефиренко, Т.В. Булыгина и др.) рассматривают концепт как семантическую составляющую языка. Они полагают, что концепт — это «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [9. С. 3].

В этой связи стоит также упомянуть точку зрения немецкого философа Ф.Г. Фреге, который считал, что «представление существенно отличается от смысла знака, который может быть общим достоянием многих, и, следовательно, не является частью или модусом души отдельного человека; ибо никто, пожалуй, не сможет отрицать, что человечество обладает общей сокровищницей мыслей, которую оно передает от поколения к поколению» [10. С. 28].

Согласно многим представителям когнитивной лингвистики, в том числе и Е.С. Кубряковой, концепт связывает язык с окружающим миром, он является «оперативной содержательной единицей памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (*lingva mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [11. С. 90]. В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова предложили выделить связанные с культурой народа концепты в отдельные единицы, которые они назвали логэпистемами.

А.И. Новиков, А.А. Залевская и некоторые другие языковеды считают, что при взаимодействии с миром человеку постоянно приходится опираться на существующие в языке, культуре и в самом мире фреймы, когнитивные карты и пропозиции для понимания и эффективного применения текста. Д.С. Лихачев вводит понятие концептосферы. По его определению, концептосфера — «совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка» [12. С. 5].

А.В. Бондарко определяет грамматические концепты следующим образом: «нас интересует, что хочет выразить говорящий (пишущий) с точки зрения отношения обозначаемых ситуаций к смыслам, охватываемым такими категориями, как время (и шире — темпоральность), вид и другие средства выражения характера протекания действия во времени (аспектуальность), временные отношения одновременности/последовательности (таксис), временная локализованность/не локализованность, модальность, лицо, субъект, объект, качество, количество, пространство, бытийность, посессивность, обусловленность (условие, причина, цель, уступительность)» [13. С. 4—13].

Концепт часто представляет собой некий гештальт, отражаемый в оформленной мысли и характерный для определенного языка или группы языков. З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют гештальт как «целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» [14. С. 119]. Они полагают, что концепт включает в себя три компонента: 1) образный; 2) информационный, т.е. его словарное значение; 3) интерпретационный, т.е. его оценка и осмысление [14]. Доказательства тому, что все окружающее воспринимается чело-

веком через некий гештальт, присутствуют еще в трудах Спинозы: «Мы привыкли все, что познаем, рисовать в нашем воображении в виде картин, откуда и происходит то, что даже не сущее мы воображаем положительно как сущее». О.Ю. Ромашина утверждает, что концепты могут являться как гештальтами, целостными элементами языка, так и минимальными, неделимыми единицами когнитивной лингвистики, с помощью которых образуется язык. В.В. Красных называет это свойство неделимости когнитивной структурой. Р. Лангакер и Дж. Лакофф также проводят параллели между языком и визуальным восприятием объектов. И.И. Давыдов, метафорически описывая процесс формирования мысли, сопоставлял его с грамматикой: «Грамматика, излагая формы, в которых особые отношения мыслей и понятий и их последовательное развитие отпечатлеваются обязательно, открывает Логике вход в святилище мыслящего духа» [15. С. 17]. При этом адресату стоит учитывать весь человеческий опыт, изложенный в том или ином концепте, для правильного и эффективного восприятия текста.

Например, Р.А. Будагов в статье «О предмете языкознания» (1972) утверждает, что «не существует особого „европейского мышления“ или особого „африканского мышления“, но существует определенный уровень развития мышления, характерный для определенной исторической эпохи в жизни людей» [16. С. 410]. Там же он отмечает, что «на языках номинативного строя люди точнее, полнее и адекватнее выражают свои мысли и чувства, чем на языках активного или эргативного строя. Что касается этнических различий, то они иногда могут обнаруживаться в своеобразии той или иной формы выражения мышления».

Л. Талми создал теорию образных схем, которая получила развитие в работах М. Джонсона и Дж. Лакоффа. Под образной схемой эти авторы понимают повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия, на основе которых осмысливаются затем более абстрактные идеи [17]. Н.В. Рафикова полагает, что доступные человеку знания постоянно находятся в активном состоянии, в речевой деятельности он передает их в форме предложений. Н.В. Рафикова называет локальным контекстом любую связь между предложениями, которая присутствует и в сложноподчиненных предложениях [18]. Эта теория опирается на психический процесс восприятия любой информации, определения ее признаков, проявляющийся чаще всего в чтении («сверху вниз»), а также процесс опознания стимулов, позволяющий затем опознать составные части общей картины и подразумевающий визуальное восприятие («снизу вверх»). Вероятно, можно в некоторой степени соотнести эти процессы со схемами восприятия сложноподчиненного предложения носителями разных языков.

С точки зрения места в уровневой структуре языка сложное предложение является промежуточным звеном между простым предложением и сложным синтаксическим целым, или сверхфразовым единством. Синтаксис сложного и, в частности, сложноподчиненного предложения можно считать своеобразным концептом, или логэпистемой, как для разных семей языков, так и для разных языков в пределах одной семьи, хотя, разумеется, последние будут более сходными по своей семантической составляющей и по своей структуре. Для обозначения

этого типа концептов Н.Н. Болдырев вводит понятие «концепт-схема» [19. С. 36]. Такой концепт структурно-семантической модели сложного предложения закреплён в языке, изменяться может лишь его семантическое наполнение.

Влияние культуры народа на его тип мышления отражается и в такой единице речи, как сложноподчиненное предложение. Естественно, ни один познавательный процесс невозможен без мозговой деятельности человека, поэтому без специальных психолингвистических исследований в этой области нельзя представить себе изучение процесса познания.

Психологами доказано, что левое полушарие головного мозга отвечает за метод индукции, т.е. предвосхищения того или иного результата, логического перехода от общего к частному, а правое — за дедукцию, переход от частного к общему. Учитывая межъязыковые расхождения в синтаксисе, можно утверждать, что японский язык, который стремится к синтетизму, использует дедуктивную схему построения придаточного предложения (от описания предмета в его отношении к самому предмету), а французский является аналитическим языком и использует индуктивную схему, хотя различие между построением сложноподчиненного предложения в японском и французском языках состоит преимущественно в месте придаточного предложения по отношению к главному. В обоих языках порядок слов является более или менее фиксированным и зависит в основном от расположения прямого дополнения по отношению к глаголу.

В частности, М. Драйер классифицирует языки именно по этому принципу. Он выделяет три основных члена предложения — подлежащее Subject, глагольное сказуемое Verb и прямое дополнение Object [20].

Таким образом, во французском языке порядок слов будет представлен схемой Subject-Verb-Object или Verb-Subject-Object (в случае инверсии), тогда как в японском порядок слов почти всегда Object-Verb-Subject или крайне редко Subject-Verb-Object при выделении прямого дополнения. Дж. Николс и Б. Бикель характеризуют три вида зависимости в языках: типологическую, историческую и географическую. Согласно первой одна характеристика языка предопределяет другую. Например, если в японском прямое дополнение в простом предложении стоит перед словом, к которому оно относится (объект перед субъектом), то и придаточное предложение, соответственно, будет располагаться перед главным.

Практически во всех сложных предложениях, за исключением некоторых типов сложносочиненных, важен порядок составляющих его частей. Сложносочиненные предложения представляют собой соединение двух и более частей предложения с использованием приема когнитивного обозрения: они строятся по инклюзивной модели, т.е. объединяют несколько частей для их одновременного представления, которая включает в себя компаративную модель, сравнивающую несколько событий, предоставляющую адресату выбор событий (альтернативную), а также противопоставляющую события друг другу, которую называют контрадикторной моделью.

Сложноподчиненные предложения часто управляются отношениями причины и следствия и отношениями субъекта и объекта. В общем тексте все пред-

ложения связаны между собой, поэтому чаще всего в предложении присутствуют два фокуса, которые придают повествованию бинарный ритм, который намного удобнее для повествования, хотя, естественно, ритм повествования во многом зависит как от индивидуального, так и от функционального стиля. Разумеется, в речевой деятельности человеку привычнее нормальный порядок слов, нежели поэтический способ самовыражения.

В любом предложении обнаруживается тема-рематическая последовательность, т.е. любое предложение является совокупностью уже известной адресату и сообщаемой ему новой информации. Порядок слов называется субъективным, если рема предшествует теме, и объективным, если рема следует за темой. Переход от темы к реме может регулярно осуществляться при помощи некоторых элементов структуры предложения, чаще всего глаголов. Актуальное членение предложения оформляется не только порядком слов, но и интонацией. Некоторые составные части предложения при актуальном членении могут различаться лишь интонационно, как, например, риторические приемы протазис и аподозис (расположение ремы в начале и в конце высказывания соответственно). Восприятие этих двух приемов можно условно соотнести соответственно с восприятием дедуктивной и индуктивной схем расположения придаточных предложений.

Поскольку синтаксис тесно связан с семантикой предложения, он проявляется главным образом в функциях той или иной языковой категории. Строго установленное место придаточного предложения во французском языке — после определяемого слова, а в японском — перед таковым.

Авторы «Русской грамматики» (1980) говорят о присловных и неприсловных (в сущности различающихся возможностью или невозможностью расчленить логическую структуру сложного предложения) придаточных предложениях, предложениях с типами связи, аналогичными детерминирующим (задающим некоторое условие) и распространяющим словоформам, а также о предложениях с местоименно-вопросительной и местоименно-относительной связью [21].

Рассмотрим разные способы восприятия на примере неприсловных и детерминантных придаточных предложений.

К примеру, придаточные предложения, вводимые союзами образа действия, во французском языке образуются при помощи вопросительных слов и конструкций типа *comment, par quel moyen, de quelle façon*. В японском они чаще всего выражены частицей *kata* при глаголе, употребленном в форме настоящего времени. *Comme* употребляется в придаточных сравнения, поэтому в этом случае часто употребляется форма *conditionnel* — условного наклонения, например: *Tu raisonnes comme raisonnerait un enfant*. При этом частыми являются случаи авторских сравнений, индивидуальных у каждого адресата.

Аналогом в японском языке можно считать предложения с частицами степени *hodo* и *gurai*. Частица *gurai* обладает значением 'незначительная степень' и может употребляться в простых предложениях, например: *Kare wa nihongo no shimbun wo yomu gurai wa dekiru deshou* («Ну газеты на японском языке он, по крайней мере, читать может»).

Менее строгое сравнение во французском языке можно выразить при помощи комплетивного предложения с выражением *on dirait* в главной части. Степень интенсивности признака выражают союзы *mieux que, pis que*, усилительный союз *tant...que*, меру — союзы *plus que, autant que* и *moins que*.

В разговорной речи чаще употребляется *subjonctif* после союзного сочетания *comme si*. В японском эту роль выполняет частица *hou ga* при прилагательном, обозначающем соответствующий признак, например: *hou ga ooi* («больше»), *hou ga sukunai* («меньше»). Союз *que* в своем сравнительно-сопоставительном значении выражает меру, например: *La nuit était si noire qu'on ne voyait rien*. Для выражения постепенности действия *plus* используется перед главной и перед придаточной частью предложения, например: *Plus la poire est mûre, plus elle est molle*. Союзы *si, aussi* и *quelque* употребляются перед главной частью предложения в качестве приложения (как правило, в письменной речи), и при этом выражают оттенок уступки, например: *Si léger que fût le reproche, elle s'offensait*.

К придаточным предложениям, заменяющим обстоятельство, относятся также придаточные предложения времени и места. Часто временные придаточные создают фон предложения и таким образом являются носителями дополнительной информации по отношению к главному предложению, которая может быть важной или неважной для адресата в зависимости от контекста сообщения. Временные придаточные заменяют обстоятельство в предложении, но, по сути, используют конъюнктивную модель: они употребляются для выражения некоторого абстрактного промежутка времени.

Отличие от европейских языков, в японском языке значение временного придаточного предложения полностью зависит от главной части. Если глагол употреблен в форме на *-u/ru*, которая в главной части является показателем настоящего времени, то она указывает скорее на одновременность действия, нежели на конкретное время. Соответственно в форме на *-ta/da* обычно указывается на предшествование действия придаточного предложения действию, совершаемому в главном. В этом случае также возможен обратный вариант, и тогда чаще всего в главном предложении употребляется глагол в форме длительного настоящего времени на *-teiru*.

Для выражения одновременности допустимо употребление глагола в форме на *-ta* в придаточной части в том случае, когда глагол является неперфективным и не обозначает состояния. Во французском языке согласование времен чаще всего актуализируется при переводе прямой речи в косвенную. К тому же время *plus-que-parfait* редко встречается в простых предложениях, что отражает его главную синтаксическую функцию — функцию согласования времен.

Союз *toki* в японском языке используется для обозначения как однократного, так и постоянно совершаемого действия. Он может относиться как к тематической, так и к рематической части высказывания, тогда как союз *toki ni* выражает точечное действие, происходящее в определенный момент времени, и может характеризовать исключительно рему высказывания. Например: *Choujou ni tsuita toki ame ga furidashita* («Когда мы поднялись на вершину, пошел дождь»); *Choujou*

ni tsuita toki ni ame ga furidashita («Дождь пошел, когда мы поднялись на вершину»).

При употреблении этих союзов с выделительной частицей *wa* придаточное предложение приобретает дополнительное тематическое выделение и противительный смысл, например: *Choujou ni tsuita toki wa ame wa yandeita* («А когда мы поднялись на вершину, дождя уже не было»). В более официальной речи союз приобретает форму *toki ni wa*. По прототипичности эти союзы можно сравнить с союзом *quand* во французском языке, который, как многие прототипические слова практически во всех известных языках, включает в себя значения слов, используемых гораздо реже. Для выделения тематического придаточного времени перед ним используется частица *là*, например: *Ils continuèrent à marcher au bord extrême de la plage, là où mourait la léchure obstinée des vagues* (Troyat). При отрицательной форме глагола после таких союзов, как *avant que* и *jusqu'à ce que* отсутствует частица *pas* и употребляется *subjonctif*. Частица *made* («к тому моменту, как») в японском языке употребляется только после отрицательной формы глагола.

Смысл синтаксической конструкции временных придаточных близок к смыслу некоторых французских сложносочиненных предложений с союзом *et*, в которых важна временная последовательность событий. Перестановка частей предложения в этом случае также приведет к нарушению логической цепи и к изменению смысла высказывания. Некоторые приложения можно считать эллиптической формой временного придаточного предложения, например: *Enfant, je voulais toujours jouer avec les fillettes de mon âge*. Союз *à peine*, так же как *aussi*, чаще употребляется в художественной литературе и требует инверсии подлежащего и сказуемого придаточного предложения. *Depuis que*, как и менее нормативный вариант *dès que* и усилительный союз *aussitôt que*, предполагают результат совершаемого действия и таким образом включают значение причины. Тот факт, что время чаще всего воспринимается человеком как некий материальный объект и соответственно отражается в языке, привел к тому, что при помощи французского союза *où* были образованы такие выражения, как *au cas où* и *dans le moment où*, сравним: в японском языке временной союз *tokoro* (дословно «место») со значением «чуть не сделать что-либо». Выражение *où ils étaient* можно считать идиоматическим, поскольку оно усиливает эмоциональную нагрузку и употребляется вместо таких наречий, как *sur-le-champ* или *immédiatement*, например: *Ils s'étaient laissés tomber où ils étaient*. Связь значений времени и условия можно обнаружить в разговорном союзе *une fois que*. Идея постоянного движения времени проявляется через выражения *au fur et à mesure que*, что предполагает также указание на оттенок степени, постепенности совершения действия или события.

Способы восприятия могут быть проверены и на примере других типов сложноподчиненных предложений. Приведенный анализ показывает, что у носителей каждого языка существует особый тип интуитивного знания, особый тип восприятия придаточных предложений, что дает основания для дальнейших сравнительных исследований в области синтаксиса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. — М., 1960.
- [2] Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. — 2001. — № 1.
- [3] Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. — М.: Наука, 2007.
- [4] Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. — М., 1972.
- [5] Вежибицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М., 1999.
- [6] Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. — М., 1986.
- [7] Кибрик А.А. Есть ли предложение в устной речи? // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. — М.: Языки славянских культур, 2008.
- [8] Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская речь. Вып. II. — Л., 1928.
- [9] Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. — М.: Наука, 1993.
- [10] Фреге Г. Избранные работы. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1997.
- [11] Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.
- [12] Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия ОРЯ. Серия литературы и языка. — 1993. — Т. 52. — № 1.
- [13] Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Структура и семантика. — М., 2001. — Т. 1.
- [14] Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. — М., 2007.
- [15] Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. — СПб., 1953.
- [16] Будагов Р.А. О предмете языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Вып. 5. — М., 1972. — Т. XXXI.
- [17] Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, and Reason. — Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- [18] Рафикова Н.В. Опорные элементы понимания текста // Психолингвистические исследования: слово и текст. — Тверь: Издательство Тверского университета, 1995.
- [19] Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. — Тамбов, 2000.
- [20] Dryer M. SVO Languages and the OV: VO Typology // Journal of Linguistics. — Vol. 27. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- [21] Русская грамматика. — М.: Наука, 1980. — Т. 2.

THE PERCEPTION OF COMPLEX SENTENCES IN FRENCH AND JAPANESE

G.Yu. Zolotukhin

The General and Russian Linguistics Department
Philological Faculty
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article describes a few notions of cognitive linguistics, adequate and important for syntax; it treats differences in perception of propositions of complex sentences in languages belonging to different families proceeding from their syntactic structure and connections between syntax and semantics.

Key words: complex sentence, syntax, cognitive linguistics.

REFERENCES

- [1] *Hjelmslev L.* Prolegomeny k teorii yazyka // *Novoye v linguistike*. Vypusk 1. — M., 1960.
- [2] *Kubryakova E.S.* Razmyshleniya o sudbakh kognitivnoy linguistiki na rubezhe vekov // *Vo-prosy filologii*. — 2001. — № 1.
- [3] *Maslova V.A.* Vvedeniye v kognitivnuyu linguistiku. — M.: Nauka, 2007.
- [4] *Chomsky N.* Aspekty teorii syntaksisa. — M., 1972.
- [5] *Vezhbitskaya A.* Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov. — M., 1999.
- [6] *Gak V.G.* Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka. — M., 1986.
- [7] *Kibrik A.A.* Yest li predlozheniye v ustnoy rechi? // *Fonetika i nefonetica*. K 70-letiyu Sandro V. Kodzasova. — M.: Yazyki slavyanskikh kultur, 2008.
- [8] *Askoldov-Alekseev S.A.* Kontsept i slovo // *Russkaya rech*. Vypusk II. — L., 1928.
- [9] *Arutyunova N.D.* Vvedeniye // *Logicheskyy analiz yazyka*. Mentalnye deystviya. — M.: Nauka, 1993.
- [10] *Frege G.* Izbrannyye raboty. — M.: Dom intellektualnoy knigi, 1997.
- [11] *Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G.* Kratky slovar kognitivnykh terminov. — M., 1996.
- [12] *Likhachev D.S.* Kontseptosfera russkogo yazika // *Izvestiya ORYA*. Seriya literatury i yazyka. — 1993. — T. 52. — № 1.
- [13] *Bondarko A.V.* Linguistika teksta v systeme funktsionalnoy grammatiki // *Struktura i semantika*. — M., 2001. — T. 1.
- [14] *Popova Z.D., Sternin I.A.* Kognitivnasya linguistika. — M., 2007.
- [15] *Davydov I.I.* Opyt obschesravnitelnoy grammatiki russkogo yazika. — SPb., 1953.
- [16] *Budagov R.A.* O predmete yazykoznaniiya // *Izvestiya AN SSSR*. Otdeleniye literatury i yazyka. Vypusk 5. — M., 1972. — T. XXXI.
- [17] *Johnson M.* *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, and Reason*. — Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- [18] *Rafikova N.V.* Opornyye element ponimaniya teksta // *Psikholingvisticheskiye issledovaniya: slovo i tekst*. — Tver: Izdatelstvo Tverskogo universiteta, 1995.
- [19] *Boldyrev N.N.* Kognitivnaya semantika. — Tambov, 2000.
- [20] *Dryer M.* SVO Languages and the OV: VO Typology // *Journal of Linguistics*. — Vol. 27. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- [21] *Russkaya grammatika*. — M.: Nauka, 1980. — T. 2.